
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№8 август, 2026

Ежемесячное научное издание

«Редакция Евразийского научного журнала»
Санкт-Петербург 2026

(ISSN) 2410-7255

Евразийский научный журнал
№8 август, 2026

Ежемесячное научное издание.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ №ФС77-64058 от 25 декабря 2015 г.

Адрес редакции:
192242, г. Санкт-Петербург, ул. Будапештская, д. 11
E-mail: info@journalPro.ru

Главный редактор Золотарева Софья Андреевна

Адрес страницы в сети Интернет: journalPro.ru

Публикуемые статьи рецензируются
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей
Ответственность за достоверность изложенной в статьях информации
несут авторы
Работы публикуются в авторской редакции
При перепечатке ссылка на журнал обязательна

© Авторы статей, 2026
© Редакция Евразийского научного журнала, 2026

Содержание

Содержание	3
Юридические науки	4
Депутатский и парламентский запросы в системе парламентского контроля: проблемы правового регулирования	4
Педагогические науки	16
Работа с одаренными детьми на уроках	16
Архитектура	18
ПРОСТРАНСТВО КАК ТЕРАПИЯ. АРХИТЕКТУРА ЯПОНСКИХ КУРОРТОВ И ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ	18
СОВРЕМЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ КУРОРТОВ: ОТ МОНОФУНКЦИИ К УСТОЙЧИВОЙ ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ	21

Депутатский и парламентский запросы в системе парламентского контроля: проблемы правового регулирования

Данил Винчи

ГБОУ ВО «Башкирская академия
государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан»,
Россия, 450008, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 40

Danil Vinchi

State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Bashkir Academy of Public Administration and Management
under Head of the Republic of Bashkortostan»
Russia, 450008, Republic of Bashkortostan,
Ufa, 40 Zaki Validi St.
E-mail: danil2003999@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются парламентский и депутатский запросы как взаимосвязанные, но самостоятельные формы парламентского контроля в

Российской Федерации. Цель исследования состоит в выявлении особенностей их правовой природы, существующих недостатков федерального регулирования и возможных направлений его совершенствования. На основе формально-юридического и системного анализа законодательства проводится разграничение парламентского запроса, индивидуального запроса сенатора Российской Федерации или депутата

Государственной Думы и общего права парламентария на получение информации. Установлено, что действующее законодательство подробно определяет субъектов, адресатов, сроки и порядок предоставления ответа на запрос, однако применительно

к индивидуальному депутатскому запросу не содержит специального критерия содержательной полноты ответа и отдельной процедуры реагирования в случае, когда один или несколько поставленных вопросов фактически остаются без рассмотрения. Выявлена нормативная асимметрия: неудовлетворительный ответ на парламентский запрос может повлечь его повторное направление палатой Федерального Собрания, тогда как для индивидуального запроса аналогичный механизм прямо не предусмотрен. Обоснована целесообразность уточнения назначения депутатского запроса, закрепления обязанности предоставлять ответ по существу поставленных вопросов и введения процедуры повторного запроса при конкретно обозначенной неполноте первоначального ответа. Рассматриваются также правозащитный потенциал депутатского запроса, пределы парламентского вмешательства и юридические гарантии исполнения законных требований парламентария.

Ключевые слова: парламентский контроль, парламентский запрос, депутатский запрос, сенатор Российской Федерации, депутат Государственной Думы, Федеральное Собрание, права граждан, получение информации, парламентская деятельность, юридическая ответственность.

Deputy and parliamentary requests in the system of parliamentary oversight: problems of legal regulation

Abstract: The article examines parliamentary requests adopted by a chamber of the Federal Assembly and individual requests submitted by senators of the Russian Federation or deputies of the State Duma as related but legally distinct instruments of parliamentary oversight. The purpose of the study is to identify the specific features of their legal nature, shortcomings of the existing federal regulation, and possible directions for its improvement. Based on formal legal and systemic analysis, the article distinguishes between a parliamentary request, an individual request of a parliamentarian, and the general right of a senator or deputy to obtain information. The study demonstrates that Russian legislation establishes the competent addressees, response periods and procedural requirements in considerable detail. At the same time, the law does not expressly establish a substantive standard for an answer to an individual deputy request or a special procedure for cases where one or more questions remain unanswered. A regulatory asymmetry is identified: an unsatisfactory response to a parliamentary request may result in a repeated request by the corresponding chamber of the Federal Assembly, while no equivalent mechanism is expressly established for an individual request. The article substantiates proposals to clarify the legal purpose of a deputy request, to establish an obligation to answer the questions raised on their merits, and to provide a procedure for a repeated request where specific omissions in the original response are identified. The human-rights potential of deputy requests, constitutional limits of parliamentary intervention, and legal guarantees for compliance with lawful requirements of parliamentarians are also considered.

Keywords: parliamentary oversight, parliamentary control, parliamentary request, deputy request, senator of the Russian Federation, State Duma deputy, Federal Assembly, human rights, access to information, legal liability.

Введение

Парламентский контроль представляет собой самостоятельное направление деятельности Федерального Собрания Российской Федерации и одновременно является одним из элементов механизма взаимодействия законодательной и исполнительной власти. Его значение определяется не только возможностью парламента получать сведения о деятельности органов публичной власти. Контрольные процедуры позволяют выявлять проблемы исполнения законодательства, анализировать правоприменительную практику, обращать внимание компетентных органов на обнаруженные недостатки и использовать полученные сведения при дальнейшем совершенствовании правового регулирования.

Конституционная реформа 2020 года придала парламентскому контролю более определенное нормативное основание. Статья 103.1 Конституции Российской Федерации прямо закрепила право Совета Федерации и Государственной Думы осуществлять парламентский контроль, в том числе направлять парламентские запросы руководителям государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам их компетенции [1]. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» относит к целям парламентского контроля обеспечение соблюдения Конституции Российской Федерации и исполнения федеральных законов, защиту прав и свобод человека и гражданина, укрепление законности и правопорядка, выявление ключевых проблем в деятельности государственных органов, изучение практики применения законодательства и выработку рекомендаций по его совершенствованию [4].

В системе федерального парламентского контроля используются два близких по наименованию, однако различных по юридической природе инструмента. Первый представляет собой парламентский запрос, принимаемый Советом Федерации или Государственной Думой как коллегиальным органом. Второй является индивидуальным запросом сенатора Российской

Федерации или депутата Государственной Думы, который федеральное законодательство обозначает как депутатский запрос. Порядок применения этих инструментов регулируется Федеральным законом № 3-ФЗ, Федеральным законом № 77-ФЗ, а также регламентами палат Федерального Собрания [3; 4; 5; 6].

Научный интерес к институту депутатского запроса сохраняется на протяжении длительного времени. М. А. Краснов обращал внимание на соотношение формального закрепления права на запрос и его реальных возможностей как средства парламентского контроля [9, с. 16–32]. А. Н. Гуторова при исследовании конституционно-правовых форм деятельности депутатов рассматривает проблему разграничения различных контрольных и информационных правомочий парламентария [7, с. 48–69]. Вопросы соотношения депутатского запроса и иных видов депутатских обращений исследовались А. Т. Карасевым и А. В. Савоськиным на материале законодательства субъектов Российской Федерации [8, с. 52–60]. Правозащитные возможности депутатских запросов и других парламентских инструментов анализируются А. В. Савоськиным, В. А. Мещерягиной и Т. Ю. Фалькиной [12, с. 97–120]. Современные вопросы развития парламентского контроля также остаются предметом юридических исследований [10, с. 19–22]. Системная характеристика парламентского права, правового положения парламентариев и форм парламентской деятельности представлена и в коллективной монографии под редакцией Т. Я. Хабриевой [11].

Несмотря на достаточно развитую нормативную и доктринальную базу, отдельные аспекты применения депутатского запроса остаются недостаточно урегулированными. Федеральное законодательство устанавливает адресатов запросов, сроки рассмотрения, форму ответа и требования к его подписанию, но применительно к индивидуальному депутатскому запросу не содержит специального требования о содержательной полноте ответа. Не определен и особый порядок действий парламентария в случае, когда ответ поступил в установленный срок и подписан надлежащим лицом, однако один или несколько поставленных вопросов фактически остались без рассмотрения. При парламентском запросе данная ситуация урегулирована иначе: соответствующая палата вправе признать полученный ответ неудовлетворительным и принять решение о повторном направлении запроса [4].

В связи с этим целью исследования является выявление особенностей правовой природы парламентского и депутатского запросов, определение существующих проблем их правового регулирования и формулирование возможных направлений его совершенствования. В исследовании применяются формально-юридический и системный методы. Сопоставляются нормы, регулирующие парламентский запрос, индивидуальный депутатский запрос и общее право парламентария на получение информации.

Парламентский и депутатский запросы как формы парламентского контроля

Конституционное закрепление парламентского контроля в статье 103.1 Конституции Российской Федерации имеет принципиальное значение для определения правовой природы запроса. Конституция не ограничивается общим указанием на контрольную деятельность палат, а непосредственно предусматривает возможность направления парламентских запросов [1].

Федеральный закон № 77-ФЗ развивает данную конструкцию. Статья 5 указанного закона относит к формам парламентского контроля как направление палатой Федерального Собрания парламентского запроса, так и направление сенатором Российской Федерации или депутатом Государственной Думы депутатского запроса [4]. Следовательно, применительно к обоим инструментам их контрольное назначение прямо установлено федеральным законодательством.

Парламентский запрос является формой коллективного контроля. Согласно статье 13 Федерального закона № 3-ФЗ Совет Федерации и Государственная Дума вправе направлять парламентские запросы определенному законом кругу органов и должностных лиц по вопросам, входящим в их компетенцию. Решение принимается большинством голосов от общего числа сенаторов Российской Федерации или депутатов соответствующей палаты [3].

Парламентский запрос выражает позицию соответствующей палаты Федерального Собрания. Отдельный парламентарий, комитет или комиссия могут участвовать в постановке вопроса и подготовке проекта, однако юридическое значение парламентского запроса возникает после его принятия палатой.

Для данной формы контроля установлен специальный порядок предоставления ответа. В соответствии с Федеральным законом № 3-ФЗ ответ должен быть дан не позднее пятнадцати дней со дня получения парламентского запроса либо в иной установленный палатой срок [3]. Ответ может предоставляться устно на заседании палаты или письменно. При письменной форме документ подписывается должностным лицом, которому адресован запрос, либо лицом, временно исполняющим его обязанности. Процедурные особенности рассмотрения парламентских запросов дополнительно закреплены в регламентах Государственной Думы и Совета Федерации [5; 6].

Депутатский запрос имеет иную конструкцию. Статья 14 Федерального закона № 3-ФЗ предоставляет соответствующее право непосредственно сенатору Российской Федерации или депутату Государственной Думы. Он направляется самостоятельно и не требует предварительного решения соответствующей палаты [3].

Ответ на индивидуальный запрос предоставляется в письменной форме не позднее тридцати дней со дня его получения или в иной срок, согласованный с инициатором. Парламентарий вправе непосредственно участвовать в рассмотрении поставленных им вопросов, а о времени такого рассмотрения должен быть извещен заранее. Ответ подписывает должностное лицо, которому направлен запрос, либо лицо, временно исполняющее его обязанности [3].

Различия между двумя формами не ограничиваются продолжительностью срока ответа. Парламентский запрос представляет собой инструмент коллегиального контроля и предполагает формирование позиции всей палаты. Депутатский запрос является индивидуальным правомочием парламентария. Благодаря этому он может использоваться без прохождения процедуры принятия отдельного решения Советом Федерации или Государственной Думой.

Поэтому индивидуальный запрос нельзя рассматривать только как упрощенную разновидность парламентского запроса. Он имеет самостоятельное назначение. Работа парламентария включает участие в деятельности комитетов и комиссий, анализ законопроектов, взаимодействие с государственными органами, рассмотрение обращений граждан и изучение практики применения законодательства. Значительная часть возникающих при такой деятельности вопросов не требует принятия решения всей палатой, однако нуждается в официальной позиции компетентного государственного органа.

Вместе с тем различная юридическая природа двух инструментов отражается на последующей процедуре работы с ответом. В отношении парламентского запроса Федеральный закон № 77-ФЗ прямо предусматривает возможность признания ответа неудовлетворительным и повторного направления запроса [4]. Для индивидуального депутатского запроса специальный механизм такого рода отсутствует.

Депутатский запрос и право парламентария на получение информации

Федеральный закон № 3-ФЗ наряду с депутатским запросом устанавливает самостоятельное

право сенатора Российской Федерации и депутата Государственной Думы на получение информации.

В соответствии со статьей 17 Федерального закона № 3-ФЗ при обращении парламентария по вопросам, связанным с его деятельностью, в органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и организации соответствующие должностные лица обязаны дать ответ и предоставить запрашиваемые документы либо сведения. Если получение дополнительных материалов не требуется, ответ должен предоставляться безотлагательно. При необходимости дополнительных материалов срок не может превышать тридцати дней [3].

Сопоставление статей 14 и 17 указанного Федерального закона показывает частичное совпадение правовых конструкций. В обоих случаях инициатором выступает конкретный парламентарий. Оба правомочия позволяют получать официальную информацию. Срок рассмотрения при определенных обстоятельствах может составлять тридцать дней.

При этом круг адресатов информационного обращения по статье 17 сформулирован шире. Помимо органов публичной власти он включает общественные объединения и организации.

Самостоятельное значение депутатского запроса наиболее полно раскрывается через его контрольное назначение.

Право, закрепленное статьей 17 Федерального закона № 3-ФЗ, следует рассматривать преимущественно как общую информационную гарантию парламентской деятельности. Оно обеспечивает получение документов, статистических данных, справочных материалов и иных сведений, необходимых для исполнения полномочий.

Депутатский запрос ориентирован не только на получение документа или сведений. Его предметом может стать официальная позиция компетентного органа по вопросам исполнения законодательства, причин принятия определенного решения, результатов проверки или мер, находящихся в пределах компетенции адресата.

На специальный характер депутатского запроса указывают требования к его рассмотрению. Парламентарий имеет право лично участвовать в рассмотрении поставленных вопросов. Ответ должен быть подписан непосредственно должностным лицом, которому направлен запрос, либо лицом, временно исполняющим его обязанности [3].

Таким образом, информационное обращение обеспечивает доступ парламентария к необходимым для его деятельности сведениям, тогда как депутатский запрос выступает самостоятельным средством индивидуального парламентского контроля.

Проблема заключается в том, что статья 14 Федерального закона № 3-ФЗ не содержит определения депутатского запроса. Его контрольная природа устанавливается Федеральным законом № 77-ФЗ и выявляется посредством системного толкования законодательства [4].

А. Т. Карасев и А. В. Савоськин, анализируя региональное законодательство, также отмечают необходимость разграничивать депутатский запрос и иные формы депутатских обращений [8, с. 52–60]. Хотя их исследование относится прежде всего к законодательству субъектов Российской Федерации, данный вывод имеет значение и применительно к федеральной модели.

Уточнение назначения запроса не требует расширения существующего объема парламентских полномочий. Представляется достаточным нормативно связать институт статьи 14 Федерального закона № 3-ФЗ с целями парламентского контроля, которые уже установлены Федеральным законом № 77-ФЗ [4].

Проблема содержательности ответа на депутатский запрос

Эффективность депутатского запроса зависит не только от наличия права его направить, но и от возможности получить информацию, непосредственно относящуюся к поставленным вопросам.

Статья 14 Федерального закона № 3-ФЗ содержит ряд четких процедурных требований. Ответ должен предоставляться в письменной форме. Общий срок составляет не более тридцати дней со дня получения запроса, если иной срок не согласован с инициатором. Документ должен быть подписан адресатом либо лицом, временно исполняющим его обязанности [3].

Федеральный закон при этом не содержит специального требования о том, что ответ должен раскрывать по существу каждый вопрос, относящийся к компетенции адресата.

Возможна ситуация, когда ответ направлен своевременно и формально соответствует установленным требованиям, однако один из поставленных вопросов остается без рассмотрения. Ответ также может ограничиваться общим изложением положений законодательства без сообщения конкретных сведений, непосредственно запрошенных парламентарием.

Подобная ситуация отличается от несогласия депутата или сенатора с позицией органа. Адресат запроса не обязан разделять юридическую оценку его инициатора и тем более принимать предлагаемое им решение. Парламентский контроль не означает административного подчинения контролируемых органов парламентария.

Исходя из контрольного назначения депутатского запроса представляется обоснованным требование о предоставлении содержательной реакции на каждый поставленный вопрос, относящийся к компетенции адресата

Сопоставление парламентского и индивидуального запросов вновь показывает различие в их законодательном регулировании. Часть 3 статьи 8 Федерального закона № 77-ФЗ позволяет палате признать ответ на парламентский запрос неудовлетворительным и принять решение о его повторном направлении [4].

Таким образом, применительно к коллективному парламентскому контролю законодатель признает, что поступление ответа как документа еще не обязательно означает завершение контрольной процедуры.

Аналогичный механизм применительно к индивидуальному депутатскому запросу отсутствует.

Сенатор или депутат вправе направить новый запрос, обратиться за необходимыми материалами в порядке статьи 17 Федерального закона № 3-ФЗ или поставить вопрос перед соответствующим комитетом. Однако такие действия являются новыми процедурами и не представляют собой специально предусмотренный способ устранения недостатков первоначального ответа.

Представляется обоснованным дополнить статью 14 Федерального закона № 3-ФЗ требованием о предоставлении информации по существу вопросов, относящихся к компетенции адресата.

Возможна следующая законодательная конструкция:

«Ответ на запрос должен содержать информацию по существу каждого поставленного вопроса, относящегося к компетенции органа или должностного лица. В случае невозможности предоставления запрашиваемой информации в ответе указываются причины и правовые основания такой невозможности».

Такая норма не обязывает орган соглашаться с парламентарием. Она лишь связывает содержание ответа с предметом направленного запроса.

Дополнительно может быть предусмотрено право инициатора направить повторный запрос, если в первоначальном ответе один или несколько вопросов остались без рассмотрения. При этом повторное обращение должно содержать указание на конкретные вопросы, по которым информация не предоставлена.

Подобный порядок позволит избежать двух противоположных рисков. С одной стороны, он исключит возможность считать любую своевременно направленную корреспонденцию полноценным ответом. С другой стороны, несогласие с позицией органа само по себе не будет основанием для неопределенного количества повторных запросов.

Правозащитное значение депутатского запроса

Защита прав и свобод человека и гражданина прямо отнесена Федеральным законом № 77-ФЗ к целям парламентского контроля [4]. Поэтому депутатский запрос может использоваться при рассмотрении проблем, выявленных в обращениях граждан и в ходе иной представительской деятельности.

При этом правозащитные возможности запроса не следует понимать чрезмерно широко.

Сенатор или депутат, направивший запрос, в большинстве случаев не принимает юридически обязательного решения о восстановлении нарушенного права. Парламентарий не отменяет административный акт, не разрешает судебный спор, не заменяет прокурора или иной контрольно-надзорный орган.

Поэтому депутатский запрос не является самостоятельным способом защиты права, равнозначным судебному или административному обжалованию.

Его значение состоит в возможности поставить проблему перед компетентным органом, получить официальную позицию, инициировать рассмотрение обстоятельств в пределах компетенции адресата и установить, связана ли конкретная ситуация с единичной ошибкой или свидетельствует о более широкой проблеме правоприменения.

А. В. Савоськин, В. А. Мещерягина и Т. Ю. Фалькина относят депутатские и парламентские запросы к правовым инструментам, формирующим правозащитный потенциал депутатской деятельности [12, с. 97–120].

Правозащитное значение особенно заметно в случае, когда индивидуальное обращение гражданина обнаруживает проблему системного характера.

Однократное неправильное применение нормы может быть следствием ошибки конкретного должностного лица. Однако повторяемость аналогичных ситуаций, различное применение одной нормы несколькими органами либо отсутствие процедуры реализации предусмотренного законом права способны указывать уже на недостаток нормативного регулирования.

Депутатский запрос позволяет получить официальную позицию компетентного органа и использовать ее при дальнейшем анализе законодательства.

Использование запроса имеет установленные законом пределы.

Статья 18 Федерального закона № 3-ФЗ запрещает вмешательство сенатора Российской Федерации или депутата Государственной Думы в оперативно-разыскную, уголовно-процессуальную деятельность органов дознания и следователей, а также в судебную деятельность [3].

Следовательно, запрос не может использоваться для указания суду принять определенное

решение либо для воздействия на оценку доказательств в конкретном уголовном деле.

Правозащитная функция имеет иной характер. Запрос обеспечивает получение информации, привлечение внимания компетентного органа к проблеме и формирование оснований для дальнейшего парламентского или законодательного реагирования.

Юридические гарантии исполнения требований парламентария

Право на депутатский запрос обеспечивается специальными юридическими гарантиями.

Статья 17.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает ответственность за невыполнение должностным лицом государственного органа, органа местного самоуправления, организации или общественного объединения законных требований сенатора Российской Федерации или депутата Государственной Думы, а также создание препятствий в осуществлении их деятельности [2].

Часть 1 данной статьи предусматривает административный штраф от двух тысяч до трех тысяч рублей. Часть 2 устанавливает ответственность за нарушение сроков предоставления информации, документов, материалов и ответов на обращения парламентария в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей [2].

Само наличие специального состава административного правонарушения подтверждает публично-правовой характер соответствующих обязанностей. Ответ на законное требование парламентария не является факультативной формой служебной переписки.

Вместе с тем существующая ответственность наиболее очевидно применяется при полном отсутствии ответа либо нарушении установленного срока.

Сложнее квалифицировать ситуацию, когда ответ поступил своевременно, но не содержит сведений по существу поставленного вопроса.

Часть 1 статьи 17.1 КоАП РФ предусматривает ответственность за невыполнение законных требований парламентария. Однако применение административной ответственности требует достаточной определенности той обязанности, неисполнение которой вменяется должностному лицу.

Поэтому введение отдельной ответственности за «формальный» или «неполный» ответ без предварительного законодательного определения соответствующих понятий представляется преждевременным.

Первоначально целесообразно определить в Федеральном законе № 3-ФЗ минимальные требования к содержанию ответа. После формирования соответствующей практики возможно оценить необходимость корректировки статьи 17.1 КоАП РФ.

Отдельного рассмотрения заслуживает размер установленных штрафов. Их абсолютная величина невелика, однако механическое увеличение санкции не способно компенсировать неопределенность содержания основной обязанности.

Приоритетным направлением должно быть уточнение правил надлежащего исполнения депутатского запроса.

Публичность депутатских запросов

Важным направлением развития парламентского контроля является обеспечение его открытости.

Часть 5 статьи 47 Регламента Государственной Думы предусматривает размещение депутатского запроса на официальном сайте Государственной Думы [5].

Данное правило повышает прозрачность индивидуальной контрольной деятельности и позволяет установить предмет запроса, его адресата и содержание поставленных депутатом вопросов.

Одновременно действующее регулирование не устанавливает общего требования об обязательной публикации каждого ответа на депутатский запрос. Такой подход объясним, поскольку ответы могут содержать персональные данные, сведения ограниченного доступа или обстоятельства конкретных обращений граждан.

Потенциал дальнейшего развития связан не столько с обязательной публикацией всех документов, сколько с систематизацией результатов запросов.

Внутренний электронный учет способен фиксировать предмет запроса, адресата, сроки предоставления ответа, необходимость повторного обращения и тематическую категорию рассматриваемой проблемы.

Обобщение обезличенной информации может иметь значение для законопроектной деятельности. Если депутатские запросы систематически касаются одной нормы законодательства или одного механизма государственного управления, это может свидетельствовать о необходимости дополнительного правового анализа.

Такой подход соответствует Федеральному закону № 77-ФЗ, который непосредственно связывает парламентский контроль с изучением практики применения законодательства и подготовкой рекомендаций по его совершенствованию [4].

При этом цифровизация не должна превращать количество запросов в формальный показатель эффективности депутатской деятельности. Один содержательный запрос по системной проблеме способен иметь большее правовое значение, чем значительное число однотипных обращений. Значение имеет не количество документов, а связь запроса с осуществлением парламентских полномочий и возможность использовать полученную информацию для решения публично значимой проблемы.

Направления совершенствования законодательства

Проведенный анализ позволяет определить несколько взаимосвязанных направлений дальнейшего развития института депутатского запроса.

Во-первых, представляется целесообразным уточнить в статье 14 Федерального закона № 3-ФЗ юридическое назначение депутатского запроса как индивидуальной формы парламентского контроля. Это позволит отчетливее разграничить запрос и общее право парламентария на получение информации.

Во-вторых, следует нормативно закрепить требование о предоставлении ответа по существу каждого вопроса, относящегося к компетенции адресата. Если информация не может быть предоставлена, в ответе должны быть обозначены причины и правовые основания такого ограничения.

В-третьих, целесообразно предусмотреть возможность повторного индивидуального запроса при конкретно установленной неполноте первоначального ответа. Основанием должно являться не субъективное недовольство позицией государственного органа, а отсутствие информации по одному или нескольким поставленным вопросам.

В-четвертых, результаты индивидуальных запросов могут более активно использоваться при аналитической работе комитетов и комиссий палат Федерального Собрания. Систематизация повторяющихся проблем способна выявлять недостатки правоприменения и формировать основания для совершенствования законодательства.

В-пятых, развитие цифровых инструментов учета запросов может повысить возможности анализа парламентской контрольной деятельности. При этом автоматическая публикация всей переписки нецелесообразна из-за необходимости защиты персональных данных и иных охраняемых законом сведений.

Вопрос об усилении административной ответственности следует рассматривать после уточнения материальных требований к содержанию ответа. Последовательность имеет принципиальное значение: первоначально должен быть установлен ясный стандарт надлежащего поведения адресата и только затем определены последствия его нарушения.

Предложенные изменения следует рассматривать как элементы единой правовой конструкции. Определение назначения депутатского запроса без установления требований к содержанию ответа не устранил проблему формального исполнения. Требование отвечать по существу без специальной процедуры устранения неполноты ответа оставит инициатора без предусмотренного законом способа завершить начатую контрольную процедуру. Усиление ответственности без предварительного определения содержания обязанности, напротив, способно повысить уровень правовой неопределенности.

Основной резерв совершенствования института заключается не в дальнейшем увеличении числа полномочий парламентария, а в повышении качества уже существующих процедур.

Заключение

Парламентский и депутатский запросы являются самостоятельными формами парламентского контроля, имеющими общую конституционно-правовую основу, но различающимися по субъекту, процедуре принятия и механизму дальнейшего рассмотрения результатов.

Парламентский запрос выражает решение Совета Федерации либо Государственной Думы и принимается большинством голосов от общего числа парламентариев соответствующей палаты. Депутатский запрос реализуется сенатором Российской Федерации или депутатом Государственной Думы самостоятельно.

Действующее федеральное законодательство достаточно подробно регулирует процедурную сторону запросов. Определены адресаты, сроки предоставления ответов, правила подписания документов и отдельные гарантии их рассмотрения.

Основная проблема индивидуального депутатского запроса связана с неполнотой регулирования результата контрольной процедуры. Федеральный закон № 3-ФЗ не закрепляет специального требования о предоставлении информации по существу каждого поставленного вопроса и не устанавливает отдельного механизма устранения неполноты ответа.

Одновременно для парламентского запроса Федеральный закон № 77-ФЗ предусматривает возможность его повторного направления, если полученный ответ признан неудовлетворительным [4].

Системное сопоставление статей 14 и 17 Федерального закона № 3-ФЗ показывает также необходимость более четкого разграничения депутатского запроса и общего права парламентария на получение информации. Последнее имеет преимущественно информационно-обеспечительный характер, тогда как запрос в силу Федерального закона № 77-ФЗ сохраняет самостоятельное контрольное назначение [3; 4].

Правозащитный потенциал депутатского запроса проявляется в возможности выявлять проблемы применения законодательства, получать официальную позицию компетентного органа и инициировать его реакцию в пределах установленных полномочий. При этом запрос не является

заменой судебного, административного или прокурорского механизма защиты и не дает парламентариию права вмешиваться в самостоятельную процессуальную деятельность органов дознания, следствия и суда.

Совершенствование института целесообразно осуществлять путем уточнения назначения депутатского запроса, закрепления минимального стандарта ответа по существу поставленных вопросов и введения специальной процедуры повторного запроса при конкретно обозначенной неполноте первоначального ответа. Дополнительное значение имеют систематизация результатов запросов и развитие цифрового учета парламентских материалов.

Предлагаемый подход не расширяет компетенцию парламентария за пределы действующей модели разделения властей. Его задача состоит в повышении юридической определенности уже существующего контрольного механизма.

Практическая ценность депутатского запроса определяется не количеством направленных документов, а способностью обеспечить получение официальной информации, выявить проблему правоприменения и использовать полученные сведения в дальнейшей парламентской и законодательной деятельности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
3. Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 2. Ст. 74.
4. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 19. Ст. 2304.
5. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».
6. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации».
7. Гуторова А. Н. Конституционно-правовые формы деятельности депутатов в России: проблемы классификации и реализации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 2. С. 48–69. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.2.48.69.
8. Карасев А. Т., Савоськин А. В. Депутатский запрос как вид обращения депутатов субъектов Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2018. № 3 (120). С. 52–60.
9. Краснов М. А. Способен ли депутатский запрос быть средством парламентского контроля? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 4. С. 16–32. DOI: 10.17323/2072-8166.2009.4.16.32.
10. Нагибина А. М. Актуальные проблемы парламентского контроля // Государственная власть

и местное самоуправление. 2024. № 8. С. 19–22. DOI: 10.18572/1813-1247-2024-8-19-22.

11. Парламентское право России : монография / А. И. Абрамова, В. А. Витушкин, Н. А. Власенко [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : Издание Государственной Думы, 2013. 400 с.

12. Савоськин А. В., Мещерягина В. А., Фалькина Т. Ю. Правозащитный потенциал депутатов в Российской Федерации // Антиномии. 2023. Т. 23. Вып. 2. С. 97–120. DOI: 10.17506/26867206_2023_23_2_97.

Работа с одаренными детьми на уроках

Трубачева Марина Владимировна,
учитель начальных классов
МБОУ СОШ №5 с УИОП
г. Шебекино Белгородской области

Найти точку роста

Для успешной работы с одаренным ребенком учителя пытаются найти его сильную сторону и дать ему возможность проявить ее, почувствовать вкус успеха и поверить в свои возможности. Проявить сильную сторону означает возможность отступить от школьной программы, не ограничиваться ее рамками. Следование данному принципу выявило проблему: часто точка роста лежит вне школьной программы.

Выявление индивидуальных особенностей

Одаренность не лежит на поверхности. Учителя должны хорошо овладеть методикой ее определения. Большинство педагогов чрезмерно доверяют тестированию, имеют недостаточно сведений об учащихся. Считается, что ребенок с высоким интеллектом должен превосходить остальных по всем школьным предметам. Следовательно, учителя ждут от него наибольшей эмоциональной и социальной зрелости и убеждены, что ему не нужна специальная помощь.

Воспитание лидерских качеств

Творческая личность характеризуется умением самостоятельно выбирать сферу деятельности и двигаться вперед. В учебном учреждении этому способствует продуманная методика обучения, предназначенная не только для передачи знаний, но и для выработки «умения мыслить».

В своей работе учителя начальной школы на уроке используют:

1. Метод вживания. Позволяет учащимся посредством чувственно-образных и мыслительных представлений «переселиться» в изучаемый объект, почувствовать и познать его изнутри.

2. Метод эвристических вопросов. Ответы на семь ключевых вопросов: Кто? Что? Зачем? Где? Чем? Когда? Как? и их всевозможные сочетания порождают необычные идеи и решения относительно исследуемого объекта.

3. Метод сравнения. Дает возможность сопоставить версии разных учащихся, а также их версии с культурно — историческими аналогами, сформированными великими учеными, философами и т. д.

4. Метод конструирования понятий. Способствует созданию коллективного творческого продукта — совместно сформулированного определения понятия.

5. Метод путешествия в будущее. Эффективен в любой общеобразовательной области как способ развития навыков предвидения, прогнозирования.

6. Метод ошибок. Предполагает изменение устоявшегося негативного отношения к ошибкам, замену его на конструктивное использование ошибок для углубления образовательных процессов. Отыскивание взаимосвязей ошибки с «правильностью» стимулирует эвристическую деятельность учащихся, приводит их к пониманию относительности любых знаний.

7. Метод придумывания. Позволяет создать не известный ранее ученикам продукт в результате определенных творческих действий.

8. Метод «если бы...». Помогает детям нарисовать картину или составить описание того, что произойдет, если в мире что-либо изменится. Выполнение подобных заданий не только развивает воображение, но и позволяет лучше понять устройство реального мира.

9. «Мозговой штурм» (А. Ф. Осборн). Позволяет собрать большое число идей в результате освобождения участников обсуждения от инерции мышления и стереотипов.

10. Метод инверсии, или метод обращения. Способствует применению принципиально противоположной альтернативы решения. Например, объект исследуется с внешней стороны, а решение проблемы происходит при рассмотрении его изнутри.

ПРОСТРАНСТВО КАК ТЕРАПИЯ. АРХИТЕКТУРА ЯПОНСКИХ КУРОРТОВ И ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ

Янушевский Д.А.

магистр архитектуры

Московский архитектурный институт (государственная академия)

Аннотация: В статье на примере знаковых японских курортов раскрываются принципы формирования терапевтической архитектуры, где аскетичные материалы и драматургия видов служат инструментами психоэмоциональной регуляции пациента, проводится экстраполяция выявленных принципов на российскую курортную практику, обосновывая необходимость перехода от павильонной застройки к ландшафтно-интегрированным центрам с учетом климатических особенностей регионов.

Ключевые слова: реабилитационный центр, курортная архитектура, терапевтическая среда, профилактическая медицина.

Ianushevskii D.A.

Master of architecture

Moscow Architectural Institute (State Academy)

SPACE AS THERAPY. THE ARCHITECTURE OF JAPANESE RESORTS AND WELLNESS CENTERS

Abstract: Using iconic Japanese resorts as examples, this article explores the principles of shaping therapeutic architecture, wherein minimalist materials and the dramatic staging of views serve as tools for the patient's psycho-emotional regulation. The article extrapolates these principles to the context of Russian resort practice, arguing for a shift from pavilion-style layouts to landscape-integrated centers that take regional climatic conditions into account.

Keywords: rehabilitation centers, resort architecture, therapeutic environment, preventive medicine

Основной текст статьи. Основной текст статьи. Основной текст статьи. Основной текст статьи. Основной текст статьи.

В Японии, где продолжительность жизни одна из самых высоких в мире, профилактика здоровья давно стала искусством. Современные курортные и реабилитационные центры страны превратились в уникальные пространства, где многовековые традиции профилактики встречаются с передовой архитектурой. Их философия проста: здоровье невозможно восстановить в изоляции от природы, поэтому архитектура здесь призвана не просто служить фоном, но стать активным участником процесса лечения.

В основе японских методов профилактики лежит принцип баланса — восстановления связи между телом и окружающей средой. Современные японские реабилитационные центры — это не просто здания. Архитекторы стремятся создать пространства, где границы между интерьером и природой стираются. Один из наиболее ярких примеров — «Pasona Natureverse Retreat» на острове Авадзи, спроектированный лауреатом Притцкеровской премии Сигэру Баном. Здание имеет прямой фасад, обращенный к морю и изогнутый, обращенный к горам. Архитектор принципиально заблокировал вид на море на уровне земли, чтобы гости поднимались на второй

этаж и переживали момент, когда перед ними распаивается панорама залива. Огромные стеклянные раздвижные двери вестибюля полностью открываются, делая пространство частью морского пейзажа. Входной навес, напоминающий ветви и листья, собран из деревянных конструкций по традиционной японской технике «кумико».

Ещё один выразительный пример — реабилитационный центр «Кенуиен» в префектуре Вакаяма. Расположенный на утесе над Тихим океаном, центр предназначен для восстановления пожилых людей, чья жизнь тесно связана с морем. Здание создает пространственную ось от гор к морю, позволяя пациентам наблюдать ежечасно меняющиеся морские пейзажи, что пробуждает воспоминания и дает силы к жизни.

В отеле «Setouchi Retreat Aonagi» архитектор Тадао Андо реализует стратегию «минимальной роскоши», где аскетичный обнаженный бетон служит нейтральным фоном для восприятия изменчивой природы. Интеграция с ландшафтом строится не на имитации, а на пространственной редукции. В частных термальных источниках границы между интерьером и лесом исчезают, погружая человека в среду природных стихий. Таким образом, строгая геометрия бетона служит не целью, а инструментом выявления сущности природы и ландшафта, превращая объект в пространство для медитативного созерцания.

Выводы и перспективы интеграции в российскую практику

Анализ рассмотренных японских объектов — позволяет выделить три ключевых архитектурных принципа, формирующих терапевтическую среду: принцип «открывающегося вида», принцип временной протяженности (архитектура, меняющаяся вместе с освещением и погодой, вовлекает пациента в длительное созерцание) и принцип тактильного стирания границ (стирание разницы между интерьером и природным окружением через раздвижные остекленные плоскости и открытые купальни). Экстраполяция данной модели на российские курорты требует учета климатических и ландшафтных особенностей. Вместо прямого копирования данной культуры возможна адаптация принципа «архитектуры как медиатора» к российским природным доминантам:

— Для черноморского побережья — проектирование рекреационных центров с акцентом вида на море за счет раскрытия панорамы с верхних террас. Зимние сады и остекленные переходы позволяют сохранить связь с субтропической растительностью в межсезонье.

— Для кавказских Минеральных Вод — интеграция бюветов и терренкуров в архитектурную ткань центров с использованием местного камня как аналога японского бетона: грубая фактура будет служить нейтральным фоном для восприятия горных ландшафтов и смены световоздушных масс.

— Для сибирских и уральских локаций — использование принципа «наблюдения за стихией» через панорамное остекление, ориентированное на водную гладь или лесные массивы, с обязательным включением открытых купален (термальных бассейнов под открытым небом) даже в холодный период, что усилит психоэмоциональный эффект.

Ключевым ограничением остается стоимость строительства и эксплуатации энергоэффективных таких объектов в российских климатических зонах. Однако переход от «павильонной» курортной застройки советского периода к ландшафтно-интегрированным центрам с гибридными конструкциями (бетон + дерево + стекло) способен не только повысить конкурентоспособность отечественных санаториев, но и сформировать новую философию профилактической медицины, где архитектура становится полноценным соавтором терапевтического процесса, а не просто помещением для процедур.

Японские курортные и реабилитационные центры доказывают: истинное исцеление невозможно без связи с природой и культурой. Архитектура здесь становится не просто «зданием

для медицинских процедур», а активным инструментом профилактики и восстановления. Открытость пространства, использование натуральных материалов, символика древних традиций и новейшие медицинские подходы сливаются в единую гармоничную систему, возвращая человеку ощущение целостности и покоя.

Использованные источники:

1. Коновалова, Н. Архитектура русского авангарда и японского метаболизма: параллели форм и смыслов / Н. Коновалова // Проект Байкал. — 2019. — № 62. — С. 82–90. — DOI: 10.7480/projectbaikal.62.1552.

2. Сытник, В. М. Философия симбиоза в проектах современных японских зодчих (Курокава Кисё, Тадао Андо) / В. М. Сытник // Тадао Андо в свете японской эстетики : сборник статей. — DOI: 10.7480/projectbaikal.62.1552.

3. Yarasheva Design Studio. Внутри тихой красоты Setouti Retreat Aonagi [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://yarashevadesign.ru/vnutri-tihoj-krasoty-setouti-retreat-aonagi/> (дата обращения: 15.08.2026).

4. Setouchi Retreat by Onko Chishin. Architecture [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://setouchi.by-onko-chishin.com/en/architecture/> (дата обращения: 15.08.2026).

5. Luxury Travel Magazine. Setouchi Retreat Aonagi: A minimalist luxury stay in Shikoku [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.luxurytravelmag.com.au/accommodations/setouchi-retreat-aonagi-shikoku-luxury-hotel> (дата обращения: 15.08.2026).

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ КУОРТОВ: ОТ МОНОФУНКЦИИ К УСТОЙЧИВОЙ ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ

Янушевский Д.А.

магистр архитектуры

Московский архитектурный институт (государственная академия)

Аннотация: в статье рассматривается эволюция подходов к градостроительному проектированию курортных территорий в контексте перехода от монофункциональных сезонных моделей к устойчивым полицентричным экосистемам. На основе анализа отечественных и зарубежных примеров выявляются ключевые принципы современного планирования: интеграция в природный ландшафт, круглогодичная функциональность, кластерное развитие и управление экологическими рисками. Обосновывается необходимость комплексного подхода, учитывающего баланс туристической привлекательности, экологической безопасности и интересов локальных сообществ для формирования курортов нового поколения.

Ключевые слова: градостроительное планирование курортов, устойчивое развитие, полицентричная модель, интеграция в ландшафт, круглогодичная рекреация, прибрежные курорты, горнолыжные курорты, кластерное развитие.

Ianushevskii D.A.

Master of architecture

Moscow Architectural Institute (State Academy)

MJDERN PRINCIPLES OF URBAN PLANNING FOR RESORT AREAS: FROM MONOFUNCTIONALITY TO SUSTAINABLE POLYCENTRICITY

Abstract: This article examines the evolution of approaches to urban planning for resort areas in the context of the transition from monofunctional seasonal models to sustainable polycentric ecosystems. Based on an analysis of domestic and international examples, key principles of modern planning are identified: integration into the natural landscape, year-round functionality, cluster development, and environmental risk management. The need for an integrated approach that balances tourist appeal, environmental safety, and the interests of local communities is substantiated for the development of next-generation resorts.

Keywords: urban planning for resorts, sustainable development, polycentric model, landscape integration, year-round recreation, coastal resorts, ski resorts, cluster development.

Современное градостроительное планирование курортов отходит от советской модели санаторно-курортного лечения как изолированного сезонного явления. Сегодня курортная территория рассматривается как полноценный элемент городской агломерации, способствующий устойчивому развитию региона, повышению качества жизни местных жителей и диверсификации экономики. Как отмечают исследователи, «организация оздоровительных курортов играет важную роль в формировании комфортной и здоровой городской среды», а забота о здоровье горожан лежит в основе развития современных городов.

Ключевым вызовом для архитекторов становится поиск баланса между туристической привлекательностью, экологической безопасностью и интересами локальных сообществ.

— Принцип 1. Интеграция в ландшафт: архитектура как продолжение природы

Базовым требованием современного курортного проектирования становится минимальное вмешательство в природную среду. Согласно принципу, архитектура не должна доминировать над ландшафтом — она должна на него реагировать. Этот принцип ярко иллюстрирует албанский курортный комплекс «ZigZag» на побережье Химары. Спроектированный бюро «JA Joubert» и «UNS Architects», он представляет собой каскад террас и бассейнов, повторяющих изгибы скалистого рельефа. Панорамное остекление стирает грань между интерьером и природой, а использование местного камня обеспечивает визуальную и культурную преемственность.

Еще одним выразительным примером является проект реконструкции отеля «Скала» в Архипо-Осиповке, где архитектурное бюро «IDEOLOGIST» реализовало японский принцип ненарушения природы вещей. Согласно этой философии, создание нового — это не сотворение, а выявление того, что уже заложено в ландшафте. Фасады и интерьеры становятся лишь «рамкой», направляющей внимание на море и скалы.

— Принцип 2. Круглогодичная функциональность: преодоление сезонности

Одной из главных проблем курортных территорий остается ярко выраженная сезонность, ведущая к неэффективному использованию инфраструктуры. Современные стратегии направлены на переориентацию курортов на круглогодичную рекреацию. Как отмечается в исследовании района Вишневка в Сочи, необходимо «развивать оздоровительные программы и климатотерапию, формировать всесезонные сценарии использования общественных пространств». Данный регион служит показательным примером трансформации. Генеральный план до 2044 года предусматривает переход от линейно-узловой планировочной структуры к полицентричной модели, которая обеспечит сбалансированное развитие всей территории и создаст новые места приложения труда. Это предполагает не только развитие туристической инфраструктуры, но и создание кластеров высоких технологий, специализированных административно-деловых зон.

— Принцип 3. Горные курорты: кластерное развитие

В горных курортах принцип полицентричности реализуется через создание сети взаимосвязанных «деревень», каждая из которых выполняет свою функцию. Примером служит всесезонный курорт «Архыз» в Карачаево-Черкесии. Согласно документам территориального планирования, ключевой элемент — деревня Дукка-2000, формирующая «ядро» долины. Она расположена на пересечении горнолыжных трасс и обеспечивает доступ к северным склонам, наиболее ценным по качеству снега. Здесь размещаются объекты премиум-класса. Другие деревни выполняют специализированные роли: «Лунная поляна» — застройка низкой плотности с разнообразными зимними и летними развлечениями; архитектурно-планировочная задача данного района сформировать самостоятельные по функции, но объединенные визуальными связями комплексы, создающие единый ансамбль долины.

— Принцип 4. Прибрежные курорты: управление рисками и доступность побережья

Для приморских территорий критическими становятся вопросы экологической безопасности и обеспечения общественного доступа к воде. В соответствии с данным принципом, проектные решения могут включать: комплексное укрепление склонов через террасные решения и подпорные конструкции с мониторингом водонасыщения грунтов, создание непрерывных пешеходных маршрутов вдоль побережья с зелеными прослойками, исключение приватизации первых линий доступа к морю.

Современное градостроительное планирование курортов характеризуется сдвигом от монофункциональных сезонных комплексов к многофункциональным устойчивым экосистемам. Дальнейшее развитие курортных территорий требует совершенствования методик оценки

туристического потенциала и внедрения информационных технологий для объективного выбора наиболее перспективных площадок. Только комплексный подход, учитывающий экологические, социальные и экономические факторы, способен создать курорты нового поколения, отвечающие вызовам XXI века.

Использованные источники:

1. Астанин Д. М., Плотниченко В. О., Дорофеева Е. А. Булярица — город-курорт в Черногории. Корреляционный анализ плотности объектов обслуживания узловых структур // Современные проблемы архитектуры и градостроительства. — 2020. — № 3. — С. 45–52. — DOI: 10.18454/mca.2020.17.3.
2. Гандабоева Р. А. (в соавт.) Определение структуры турпродукта с учетом городской среды и инфраструктуры субкластеров Сочи // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2024. — № 3. — С. 28–36.
3. Зырянов А. И. Рекреационные агломерации Юга России: формирование и развитие // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2022. — Т. 86, № 2. — С. 191–203.
4. Киреева Е. О., Блянкинштейн О. Н. Предложения пространственного развития курортного района Вишневка в городе Сочи // Архи.ру : электронный журнал. — 2026. — 27 марта. — URL: <https://archi.ru/elpub/101970/predlozheniya-prostranstvennogo-razvitiya-kurortnogo-raiona-vishnevka-v-gorode-sochi> (дата обращения: 21.08.2026).
5. Крылова Л. В. Принципы формирования прибрежных территорий под базы отдыха // Молодежный вестник Воронежского государственного технического университета. — 2022. — № 1. — С. 12–18.
6. Онищенко Е. В. Особенности развития новых территориальных субкластеров Сочинской курортной агломерации в стратегический период // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. — 2024. — № 1. — С. 22–24.
7. Онищенко Е. В., Шарафутдинов В. Н. Ключевые вопросы формирования стратегии и генерального плана развития города-курорта Сочи // Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2023. — Т. 12, № 2 (43). — С. 171–182.

Для заметок:

